

Жигайло В.В.,

К.Э.Н.,

Самарский государственный экономический университет

Основные социально-экономические тенденции мирового развития

В современных условиях рыночных преобразований важным является внедрение достижений научно-технического прогресса, обновление продукции, услуг и технологии, концентрация финансовых, материальных и человеческих ресурсов, направленных на модернизацию экономики, ориентированной на разнообразные потребности рынка. Модернизация становится неотъемлемой характеристикой российской экономики.

Конец XIX века увенчал промышленный переворот, определивший развитие человечества в XX веке, послуживший мощным импульсом научно-технического развития: человечество пошло по пути в полосу индустриализации. Раскрывшиеся новые возможности дали толчок производительным силам, обусловили ускорение концентрации и централизации производства и капитала. Прогресс, научно-технические открытия и изобретения, сменяя друг друга, вызвали к жизни новые отрасли, развитие которых потребовало значительных инвестиций. Индустриализация вызвала к жизни новые организационно-хозяйственные формы, роль которых выполняли крупномасштабные предприятия, крупные структурные звенья.

Концентрация производства и капитала стала материальной основой возникновения различных форм монополии, под знаком которой протекал XX век: капитализм свободной конкуренции перешел в качественно иное состояние.

В конце XX века развитие человечества сопровождается углублением социально-экономических проблем, свидетельствующем о разворачивании кризиса индустриальной модели. Все очевиднее тот факт, что на пороге новое, постиндустриальное (надэкономическое) общество, в основе которого лежат иные, чем в XX веке, принципы и нравственные ориентиры, контуры которого отчетливо проступают.

В завершившемся веке, особенно во второй его половине, материально-технической базой эволюционного развития крупнейших стран стал научно-технический прогресс, переходящий в научно-техническую революцию с возникновением и развитием информационного пространства и превращением информации в один из важнейших факторов развития. Однако, революционизируя орудия и предметы труда, преобразуя технологии и энергетику, управление, оказывая глубочайшее влияние на природу самого общества, НТР несет в себе острейшие противоречия, имеющие различные формы проявления.

Теоретическое представление об экономической природе распространения НТР в рыночной экономике основано на учете законов рынка.

В условиях, когда государство активно влияет на все экономические процессы, на смену представлениям об экономической эффективности приходит концепция результативности, т.е. ориентации научно-технической политики не на сегодняшний экономический эффект и получение максимума прибыли, а на стратегический выигрыш в перспективной борьбе за рынки. В соответствии с новыми принципами принятия решений о распространении инноваций, предполагается ориентироваться не на потребителя, который не в состоянии предвидеть свои будущие потребности и поведение, а на прогнозы возможных прорывов в области обновления технологий и продукции; не на текущий коммерческий успех и экономическое здоровье фирмы, а на её будущее техническое здоровье; не на эволюцию технологий и продукции, которые хорошо зарекомендовали себя в прошлом и сегодня ещё дают экономический эффект, а на новую технологическую парадигму.

Если фирма ориентирована на текущий экономический успех, достигнутый за счет совершенствования выпускаемой продукции и технологии её производства, она способна выиграть в прибыли, инвестиционных затратах, но рискует проиграть рынок и время: чем его меньше, тем дороже обойдется переориентация. Именно по этой схеме в семи из десяти случаев, по экспертным оценкам, лидеры уступают место другим.

В советской модели экономики мотивация НТП другая по двум причинам: высокая степень монополизации и тотальный дефицит. Это атрофировало у поставщиков интерес к росту качества продукции, снижению издержек производства и цен, позволяло строить отношения поставщика с потребителем по принципу «не хочешь, – не бери». Конечно, и в социалистической системе достижения научно-технической мысли распространялись, но значительно медленнее и ограничено. Кроме того, дешевая рабочая сила делала невыгодным использование более дорогих машин и механизмов. Наряду с этим и различными мерами давления потребителя на поставщика, в распространении НТП существенную роль играло государство и, прежде всего, в форме системы централизованного планирования в сфере внедрения техники.

Именно отсутствие экономической заинтересованности и хозяйственной самостоятельности, а также беспрецедентная дешевизна всех ресурсов обусловили значительное отставание СССР в научно-технической области, особенно проявившееся в 80-е годы.

Развитие мирового научно-технического прогресса в послевоенный период значительно усилило социальную ориентацию экономического развития, изменился общий подход к решению социальных проблем. Потребовался работник нового типа: грамотный, здоровый, ответственный, заинтересованный в экономической результативности своего предприятия. Из лексикона исчезает категория «рабочая сила», понимаемая как просто способность к труду. Вместо этого все чаще употребляется термин «человеческий капитал», включающий в себя уровень интеллектуального развития, здоровья, спорта нации.

Превращение человеческого фактора в важнейший импульс развития в 80-90-х годах прошлого столетия – важнейшая особенность общественного

прогресса. Возрастающий объем средств инвестируется в отрасли, способствующие совершенствованию человеческого капитала и социальной инфраструктуры, что ранее считалось неэффективным с позиции увеличения капитала. Эта тенденция прослеживается на уровне как отдельных субъектов экономики регионов, так и всего общества. Причем, вложения в социальную сферу растут заметно быстрее, чем капиталовложения в материально-вещественные элементы национального богатства. В настоящее время наиболее развитые страны мира расходуют на социальные нужды от 20 до 30% ВВП.

Все это нашло отражение в обществоведческой науке, наметился переход от концепции экономического роста к более широкой концепции общественного развития. Акцент переносится с отношений между людьми и богатством на отношения между людьми в самом широком смысле слова. В достаточно полной степени новые подходы нашли выражение в теориях: «Качество жизни», «Экоразвитие», «Человеческий капитал» и др. Все они содержат не только экономический, но и социальный, политический, психологический аспекты.

В 90-е годы в экономический прогресс включена социальная составляющая, в рамках ООН разработан новый показатель – «индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП), применяющийся в международных сопоставлениях стран [1].

Он содержит три комплексно учитываемые составляющие: здоровье населения в виде средней продолжительности предстоящей жизни, развитие образования и уровень жизни в виде реального валового внутреннего продукта на душу населения.

Научно-техническая революция открыла возможность устойчиво получать сверхприбыль предприятиям, которые достаточно мобильно переходят к производству новых продуктов. В этих условиях оказывается гораздо эффективней и выгодней привлекать рабочих к участию в прибылях, нежели платить низкую зарплату.

И, наконец, открыта дорога массовому производству, что предполагает наличие широкого рынка, а, значит, высокого уровня доходов, платежеспособного спроса. Это вызывает заинтересованность национальных капиталов в повышении жизненного уровня населения.

Различные формы гуманизации труда, изменение статуса трудящихся на предприятиях, широкое их участие в акционерном капитале и управлении, социализация экономики, утверждение различных моделей смешанного общества, во многом напоминают те ориентиры и черты, которыми наделялась идеальная модель социализма. Как результат – смягчение дифференциации, размывание классовых различий, перераспределение совокупных доходов общества в пользу менее защищенных слоев общества.

В 1970-1990-е годы реальные доходы на душу населения в развитых странах Европы и в Японии возросли в 1,5 раза. Заработная плата в сумме общих доходов граждан достигла 60%, а доходы 10-ти % наиболее обеспеченных граждан превышают доходы 10-ти % беднейших не более

чем в 6-7 раз.

В результате глубокого воздействия НТР на все стороны общественной жизни произошел фактический отход от модели традиционного капитализма, которая покоилась на упрощенной прямой трактовке получения прибыли: чем ниже зарплата, тем больше прибыль, которая значительное время служила теоретической базой тезиса о непримиримости интересов предпринимателей и наемных работников.

Революционный подход опирался на постулат, согласно которому высокая динамичность системы обусловлена степенью решения социальных проблем. Между тем, и опыт это подтверждает, зависимость обратная: высокий динамизм системы открывает дорогу решению социальных проблем, формирует для этого материальную базу.

Именно в этом – коренная причина успешного развития рыночной экономики на основе НТР. Использование механизма конкуренции обеспечило исключительно высокий динамизм современного рыночного хозяйства, ориентированного на решение крупных социально-экономических программ.

В мире идет становление общества нового типа, где главенствуют социальное партнерство, солидарная ответственность, непрерывный поиск и отбор не только лучших технико-экономических решений, но и лучших форм социальной организации. В его основе три ключевые позиции: правовое государство, социальное рыночное хозяйство и партнерство социальных сил.

Хозяйственная система представляет собой сочетание государственного и частного секторов экономики. Экономической основой её трансформации является эволюционное развитие отношений собственности и, соответственно, типов хозяйствования, проявляющееся как рост многообразия форм и направлений развития.

Поскольку экономические интересы общества неодинаковы, выражают устремления различных слоев и групп, формируются многочисленные типы смешанных, многоукладных экономических систем. Каждый из представленных видов собственности и адекватных ему хозяйственных форм занимает свою экономическую нишу, выполняет свойственные только ему одному функции и способствует реализации определенного экономического интереса.

Эволюция частной собственности составляет каркас рыночного хозяйства, определяет и формирует его хозяйственный механизм. На современном этапе это проявляется прежде всего в росте его корпоратизации и институционализации, превращении в различные ассоциированные формы. Крупный капитал базируется на корпоративной основе, в то время как мелкие собственники создают кооперативы или, выкупая предприятие у собственника, формируют особую форму собственности – народную, представляющую собой коллективную, долевую собственность.

Глубокие и динамичные преобразования современного мирового общества в виде организационной и технологической перестройки, диверсификации производства, индивидуализации потребительского спроса обусловили деконцентрацию производства, изменение объемов и размеров пред-

приятый. Отличительной структурной особенностью является развитие мелкого и среднего бизнеса в сфере услуг. Получила второе рождение и интенсивно развивается производственная кооперация, успешно концентрирующая деятельность в сфере строительства и эксплуатации жилья, производства различного рода услуг. 100 лет назад в США было 300 мелких фирм, к середине 60-х – 5 млн., к 1980 году – 13 млн., к середине 90-х число достигло 22 млн. Предполагается, что ежегодный прирост в сфере мелкого бизнеса составляет 800 тыс., а его доля в производстве составляет 50% ВВП, сосредотачивает 54% всех занятых [2].

Исследователи отмечают, что в 80-90-е годы усилившаяся тенденция приватизации значительно ослабила позиции государственного сектора в экономике наиболее развитых стран, но его доля по-прежнему остается значительной, особенно в Европе, где она колеблется от 10% в Германии, до 30% в Австрии.

Оставаясь в руках государства, эта собственность приобретает все-таки несвойственные ранее черты, проявление которых обусловлено акционированием государственных предприятий, использованием конкурентно-рыночных методов в их управлении (в том числе и в отраслях, относящихся к естественным монополиям). На базе этой собственности активно и динамично развиваются смешанные формы государственно-частного и государственно-коллективного предпринимательства.

Таким образом, очевидно, что высокую адаптивность к меняющимся условиям, подвижность и гибкость современным экономическим системам придает полифонический характер собственности, обусловленный развитием НТР. Усложняется экономическое регулирование на основе сочетания конкурентно-рыночной, корпоративной и государственной его форм. Эволюционно возникший хозяйственный механизм рыночной экономики, способный самонастраиваться, саморегулироваться, позволяет всей хозяйственной системе быстро приспосабливаться к непрерывно меняющимся внутренним и внешним условиям.

С течением времени, по мере усложнения экономических связей, система рыночных институтов дополняется различными формами корпоративного регулирования, представляющего собой взаимодействие иерархических принципов управления с созданием гибких и автономных ячеек, разработкой долгосрочной стратегии в сфере производства и маркетинга.

Неизбежно экономические функции государства становятся более сложными, эффективными, соединяют экономические и социальные аспекты, формируя тем самым благоприятную среду для развития современного рыночного хозяйства, имеющего мощную правовую защиту. Основной стратегией государства становится поддержание инвестиций и промышленного развития в интересах национальной экономики. Известный австрийский социолог М. Уотерс в монографии «Глобализация» подчеркивает, что «в XX веке государственная власть организована таким образом, что представляет собой сочетание централизации, характерной для абсолютизма и эффективного администрирования, свойственного либеральным государствам». Однако на-

ряду с многочисленными позитивными последствиями, развитие НТР противоречиво, имеет ярко выраженные особенности, которые в совокупности свидетельствуют о развитии кризиса индустриальной модели, необходимости перехода общества в качественно иное состояние – к постиндустриальной цивилизации. Причем, не менее важно осознание того, что этот переход должен осуществляться не на конфронтационной основе, а эволюционно.

Наиболее уязвимым фактором, на который воздействует человек, является природа. Перегрузка её систем сверх допустимых пределов не просто подрывает основы роста, но порождает тенденцию необратимых процессов деградации на макроуровне, и, что самое страшное, влияя на генофонд, вызывает необратимые последствия, угрожает развитию человечества, лишая его будущего. Достаточно вспомнить катастрофу в Чернобыле. Рассуждая о различного рода кризисах, прежде всего необходимо иметь в виду, что разрушение экологии – самая незаметная, трудноустраняемая их форма.

Опыт наиболее развитых стран свидетельствует о том, что высокий уровень потребления, сложившийся в них, достигнут непомерно высокой ценой: растрата, порой невозполнимая, земельных ресурсов; нерациональное использование человеческого потенциала; усиление дисбаланса между человечеством и окружающей его природой, распад биогеоценозов. Прежние хищнические принципы использования природных ресурсов только потому не вызвали глобальных катастроф, что в рамках сложившихся современных технологий высокие стандарты потребления достигнуты только в наиболее развитых странах.

В США, странах Западной Европы, Японии и некоторых других странах проживает примерно миллиард населения, уровень жизни которого весьма высокий; это так называемый «Золотой миллиард». Современное мироустройство позволяет «золотому миллиарду» потреблять 80% мировых природных ресурсов, производить более 80% экологически опасных отходов и жить безбедно. Очевидно, переход к образу жизни «золотого миллиарда» для всего 6-миллиардного человечества даже в перспективе невозможен – просто не хватит ресурсов и не выдержит экология планеты. Такое устройство несправедливо, но оно сложилось в процессе эволюции, и происшедшее разделение функций закономерно. Бедность и специализация на низко квалифицированных и дешевых работах стран периферии позволяет концентрировать в центре ресурсы для развития науки и новых технологий. Талантливые предприимчивые люди съезжаются в страны центра, где они находят возможности для творческого труда и благополучной жизни. Наверное, возникшее в результате эволюции мироустройство могло быть рациональным в смысле использования ограниченных ресурсов человечества для технологического прогресса и экономического роста, но оно жестко по отношению к более слабым. Эволюция складывается под воздействием знаний, позиций конкретных людей и групп. В изменяющихся условиях, информация и знания становятся производительной силой, возникает мощный ресурс, характеризующийся новыми качествами, с которыми ранее не сталкивалось общественное производство.

С одной стороны, усвоение человеком знаний и информации тождественно в известной мере накоплению нового знания; передача его другим людям не сокращает этого ресурса, он становится практически неисчерпаемым. Его накопление и использование сказываются на характере целей и задач, стоящих перед человеком, формируют новую мотивационную ориентацию, составляя основу становления в обществе новых социальных групп.

С другой стороны, доступ к этому специфическому ресурсу остается ограниченным, так как знания отличаются от большинства индустриальных благ своей редкостью и невозпроизводимостью, а затраты, необходимые для их создания и распространения, не пропорциональны получаемым результатам. Поэтому их ценность определяется также законами цен материальных благ, а создатели (знаний) – отдельные личности или целые сообщества – оказываются в исключительном общественном положении. Потому особого внимания заслуживает тот факт, что отдельные индивиды, социальные группы и целые нации, пользующиеся сегодня преимуществами технологического прогресса, распоряжаются богатством, которое они не присвоили в процессе эксплуатации других социальных групп, а создали сами своей творческой деятельностью или приобрели в результате рыночного обмена.

Технологические новшества, составляющие основу национального богатства высокоразвитых держав, определяемых как постиндустриальные, сегодня не могут быть эффективно ни созданы (произведены), ни скопированы, а в некоторых случаях – даже использованы в условиях менее индустриальных, а тем более аграрных обществ. Между тем потребность в них повсеместно остается высокой, ибо только на такой основе возможно поступательное развитие. В этом коренится одна из причин наметившегося в последние годы расширения пропасти, разделяющей развитые страны Запада и все другие государства мира.

Уже к началу 90-х гг. семь ведущих высокоразвитых стран обладали 80,4% мировой компьютерной техники, контролировали 87% зарегистрированных в мире патентов и обеспечивали 90,5% высокотехнологичного производства. Объемы экспорта американской интеллектуальной собственности выросли с 1986 г. по 1995 г. в 3,5 раза, а положительное сальдо торгового баланса в этой области превысило 20 млрд. долл.; к 1995 г. на долю США приходилось 3/4 мирового рынка информационных услуг, емкость которого составляет 95 млрд. долл. Приток в развитые страны колоссальных финансовых ресурсов не сопровождающийся уменьшением объема интеллектуальной собственности, остающейся в распоряжении их граждан, позволяет последовательно наращивать темпы научно-технической революции. На протяжении 90-х гг. страны-члены ОЭСР тратили на научные исследования и разработки в среднем около 400 млрд. долл. (в ценах 1995 г.) Сегодня на долю только США приходится 44% общемировых затрат на эти цели, в то время как государства Латинской Америки и Африки, вместе взятые, обеспечивают менее 1%. Численность научно-технических работников в расчете на 1 млн. человек составляет в США 126,2 тыс., тогда как среднемировой показатель не превышает 23,4 тыс. Только на повышение образовательного уровня своих со-

трудников частные американские компании расходуют около 30 млрд. долл. ежегодно, что эквивалентно суммарным ассигнованиям на все направления научных исследований в России, Китае, Южной Корее [3].

Данные тенденции обуславливают тот факт, что накануне XXI в. диспропорции в распределении научно-технического потенциала, производственных мощностей и общественного богатства между различными регионами мира достигли беспрецедентного масштаба. Если исходить из общепринятой оценки мирового валового продукта в 23 трлн. долл. по состоянию на 1993 г., то 18 трлн. из них было произведено в развитых странах, и только 5 трлн. долл. приходится на все развивающиеся, где проживает более 80% населения земного шара. Разница в номинальных годовых доходах граждан развитых стран и остального мира выросла с 5,7 тыс. долл. в 1960 г. до 15,4 тыс. долл. в 1993 г. И, таким образом, пятая часть человечества на одном полюсе развития присваивала в 61 раз больше богатств, нежели одна пятая часть на другом; в 1960 г. такой показатель не превышал 30 раз. За последние двадцать лет доля создаваемых в мире богатств, оказывающаяся в распоряжении 20% населения планеты, составляющего «золотой миллиард», возросла с 70 до 82,7%, тогда как доля беднейших 20% снизилась с 2,3 до 1,4%. Надежды на изменение сложившихся тенденций социально-экономических дифференциаций сегодня выглядят иллюзорными: производя 1,4% валового продукта, эта беднейшая часть человечества обеспечивала в начале 1993 г. лишь 0,98% мировых сбережений и 0,95% мирового торгового оборота.

Характерно, что в той же степени, в какой люди, обладающие сопоставимым интеллектуальным потенциалом, стремятся в развитых странах к консолидации и противостоят представителям других социальных слоев как целостная общность, сами эти страны все больше обособляются от других государств и народов. С середины 60-х гг., когда в их экономиках начали зримо проявляться постиндустриальные тенденции, торговые и инвестиционные потоки стали замыкаться в границах «первого» мира. Так, в 1953 г. индустриально развитые государства направляли в страны того же уровня развития 38% общего объема своего экспорта, в 1963 г. эта цифра составляла 49%, в 1973 г. – 54, а в 1990 г. – уже 76%. Затем во второй половине 90-х гг. сложилась ситуация, когда только 5% товарных потоков, начинающихся или заканчивающихся на территории одного из 29 государств – членов ОЭСР, выходят вовне этой совокупности стран, а развитые державы импортируют из развивающихся стран товаров и услуг на сумму, не превышающую 1,2% их суммарного ВВП.

Аналогичные процессы прослеживаются и на примере инвестиционных потоков. Более 90% всех инвестиций в США (объем которых с 1970 г. по 1990 г. вырос более чем в 30 раз) осуществлены компаниями семи стран – Великобритании, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов, - причем доля Великобритании в их числе составляет 31%, а Японии – не превышает 14%. Эти же страны осваивали более чем 60% всех американских капиталовложений за рубежом, тогда как на долю Японии и новых индустриальных стран Азии приходится не более 8, а Мексики – не менее 3%

общего объема прямых американских инвестиций [4].

Переход к последней четверти XX века развитых стран к пятому информационному технологическому укладу, в то время как даже самые передовые страны-последовательницы надолго задерживались на четвертом индустриальном укладе, позволило лидерам вновь уйти далеко вперед и усовершенствовать в свою пользу работавший и до этого для их выгоды мировой экономический механизм.

При переходе к информационному укладу прежде всего резко возрастает доля услуг в структуре ВВП. В сфере услуг, к которой статистика относит практически все виды деятельности, кроме производства или реального сектора экономики, быстро растет число работающих и ещё намного быстрее – их доходы. В качестве примера результативности перехода к информационному обществу можно сравнить ВВП на душу населения в соседних Чехословакии и Австрии. В 1970 г. в Австрии он составлял 1960 долл. На душу населения и чуть меньше в Чехословакии – 1604 долл. Но в 1991 г. картина резко меняется: в Австрии – уже 20100 долл., а в Чехословакии – лишь 2470 долл.

Очевидно, что никогда все население Земли не сможет даже близко подойти к тому уровню потребления, который сложился в США. Для этого пришлось бы увеличить годовую добычу железа в 75 раз, свинца и меди – в 100 раз, олова – в 250 раз. Земные недра не содержат и половины приведенных объемов. Если всем потреблять так, как американцы, даже кажущиеся почти неисчерпаемыми разведанные мировые запасы угля полностью иссякли бы за 18 лет.

Таким образом, существующая на Западе индустриальная модель, имеющая рыночно-потребительский технологический характер, исчерпал себя. Характеризующие её потребительские стандарты не только не достижимы другими странами, но и свидетельствуют о том, что их поддержание в странах, где они действуют, предполагает смену типа развития. Именно такой вывод был сделан на Всемирной конференции глав государств, состоявшейся в 1993 году в Рио-де Жанейро, посвященной проблемам сохранения окружающей среды.

Сформировавшаяся система ценностей и жизненных ориентаций не способна более поддерживать и регулировать стабильное существование мирового сообщества, которая на пороге фазы «разноса», нестабильности. Третий мир, где идет сверхбурный прирост населения, требует свою долю.

Грядущая цивилизация, постиндустриальное общество должно быть в первую очередь экологически чистым, ресурсоэкономным. Жизнь людей будет регулироваться новыми ценностями и идеалами. Экологически чистые технологии уже сегодня становятся главным богатством любой страны. Именно с них начинается становление новой цивилизации. Но путь к ней сложен, полон напряженной борьбы и противоречий. Каждое государство, прежде всего, готово отстаивать свои национальные интересы. От политики неограниченного роста необходимо перейти к концепции устойчивого развития, рационально сочетающей национальные и общечеловеческие интересы,

изменение роли государства и различных социальных слоев и групп.

Неизбежность перехода к иной модели цивилизационного развития усиливается и другими последствиями развернувшейся НТР и действием тормозящих факторов, отрицательное влияние которых очевидно: разбалансированностью научно-технических, экономических, социальных и экологических составляющих экономического роста; исчерпанием возможностей сложившихся институциональных структур и систем регулирования экономики; заметным ослаблением стимулов к труду и накоплению. Тесно переплетаясь и взаимодействуя, факторы торможения в целом обусловили возникновение и развитие демографического, экологического, энергетического, сырьевого, продовольственного и структурного мировых кризисов, дополненных развертывающимся финансовым.

Переход мирового сообщества в качественно иное состояние наметился, а материальной основой формирующегося постиндустриального технологического уклада становится информационность, информация, преобразующая не только производственные, но и все остальные стороны жизни, резко расширяющая границы возможностей как национальных, так и в глобальных масштабах. Системообразующими факторами «информационного общества» стали наука и научно-технический прогресс.

Развитие информатики, биотехнологий, появление новых композитных материалов и продуктов массового использования предопределили процесс диверсификации производства, повышения эластичности всех сторон общественной жизни. Появились реальные возможности не простого удовлетворения разнообразных потребностей, но и явная их индивидуализация. Последнее обстоятельство послужило мощным импульсом глубокой структурной перестройки экономики: в результате наукоемкие отрасли, высокие технологии развиваются опережающими темпами, приоритетное значение приобрело развитие сферы услуг.

Большое внимание в реструктуризации экономики уделяется реорганизации традиционных, ранее базовых отраслей экономики, попавших в глубокий кризис.

Приоритетное значение в большинстве развитых стран приобретает экологическая составляющая экономического роста, что предполагает решение взаимосвязанных задач: жесткое ресурсосбережение и применение безотходных технологий, с одной стороны, а с другой – более гармоничное сочетание естественных процессов с производственными. Возрастающие объемы капитала общество направляет на восстановление разрушенных биогенезов, увеличивая тем самым биосоциальные издержки.

Одной из важнейших особенностей нового типа экономического роста является сокращение доли материального производства в общественном продукте, что означает сокращение доли живого труда, уменьшение количества занятых на фоне опережающего роста производительности труда. Таким образом, общество получает новые возможности создания нематериальных форм богатства: информационных, коммуникационных, научно-исследовательских, культурных, общеобразовательных, рекреационных и

другого рода социальных услуг, что, в конечном счете, значительно интенсифицирует общественный прогресс.

Формирование нового технологического уклада предполагает смену парадигмы общественного развития: служение человеку, гармонизации его интересов с интересами общества и мировой цивилизации.

Все приведенные характеристики постиндустриального общества нашли выражение в оценке тенденций развития в конце 90-х годов прошлого столетия.

Этот период эксперты называют временем ускорения долговременных тенденций: сохранение темпов экономического роста, повышение и усиление роли внешних факторов в хозяйственном развитии, углубление взаимосвязей на финансовых рынках, их глобализация, интенсификация, интеграционных процессов. Подтверждение этого – ускорение приватизации значительной части хозяйственных объектов, принадлежащих государству. Важным фактором, консолидирующим усилия многих государств, стала необходимость преодоления последствий глубокого финансового кризиса, разразившегося в Юго-Восточной Азии и поразившего интегрированные экономики большей части стран.

Основную долю мирового совокупного общественного продукта производят развитые страны, они же выполняют 2/3 оборота международной торговли. При этом долговременный и устойчивый рост в большинстве европейских стран и США контрастирует со спадом в Японии, экономика которой оказалась наиболее пораженной глобальным финансовым кризисом: спад производства составил 5,9%, а рост безработицы – 4,5% [5].

Современные процессы интернационализации мирового хозяйства по сравнению с 80-ми годами приобрели отличительные особенности:

- после распада СССР и всей системы социализма в систему мирохозяйственных связей включено большое число стран;
- либерализация внешних связей и международных расчетов охватила значительную часть мира;
- более широко используются единые для всех стран стандарты на технологию, загрязнение окружающей среды, деятельность финансовых институтов, национальной статистики, систем бухгалтерского учета;
- посредством международных организаций МВФ, ВТО внедряются общие критерии макроэкономического развития, унифицируются требования к налоговой политике, политике занятости.

Вместе с тем, глобализация мировой экономики также актуализирует проблему специфики функционирования национальной экономики на фоне общемировых тенденций. Глобализация не сводится к быстрому распространению в последние годы процессов (связей, потоков), протекающих на уровне мировой экономики в целом. На наш взгляд, суть глобализации в том, что в разных странах мира независимо от национальной специфики (но, не устраняя её) формируется модель экономики, которая функционирует на основе общих принципов, обеспеченных однотипными институтами. Условия деятельности предприятий, конкурентная среда, денежные системы, финансовые

рынки, инвестиционный климат, налоговое законодательство, таможенные условия и многое другое «приводятся к общему виду» и обеспечиваются сходной правовой инфраструктурой. Глобализация означает, что национальные экономики разных стран однотипны, функционируют на базе одних и тех же принципов как на уровне отношений между субъектами экономики, так и на макроуровне, образуя тем самым единую мировую экономическую систему. В этих странах разделяются общие социальные ценности, ставятся сходные социально-экономические задачи. Перемещаясь из страны в страну, экономические субъекты – фирмы, владельцы факторов производства, потребители – находят там привычную (известную им) и предсказуемую «среду обитания».

Глобализация также связана с развитием электронных средств коммуникации. Интернет, система электронной коммерции не только расширяет сферу деятельности людей, но и создают новое пространство целей, ценностей, ресурсов для бизнеса. «Всемирная паутина» видоизменяет формы рыночного обмена и решающим образом сокращает транзакционные издержки. Но главное – она меняет тип отношений между людьми: сетевая экономика может эффективно функционировать, только если базируется на раскрытии всей информации, «прозрачности» и доверии. Решению задачи развития общего делового языка способствуют многочисленные официальные и неофициальные стандарты. Сетевая экономика, распространяясь с компьютерной скоростью, моделирует будущее глобальное рыночное хозяйство.

Если глобализацию и связанные с ней вызовы для экономики отдельных стран понимать таким образом, то возникает вопрос, не означает ли рождение нового облика мировой экономики, что экономическая теория (её направления, входящие в «мейнстрим») устарела и способна прогнозировать будущее? Если ни одна из современных школ в экономической науке не может адекватно моделировать происходящее, то не окажемся ли мы в стороне от главных событий, если будем следовать принципам рыночной экономики, описанным в тысячах учебников по микро- и макроэкономике?

Попытаемся привести некоторые соображения по этому поводу.

Первое. Для вхождения в глобальную систему страна должна быть подготовлена: её население, государственные деятели, руководители фирм должны уметь (иметь опыт) жить в рыночной экономике. Такое «умение жить» в рыночной экономике содержит в числе прочего нравственную компоненту. То, что многими десятилетиями воспитывалось у жителей стран с рыночной экономикой – следование определенным правилам поведения, законопослушность, деловая дисциплина, владение честными методами конкуренции, понимание центральной роли потребителя, роли общественной координации и самоорганизации и т. п. – в нашем обществе все ещё иногда воспринимается как нечто малозначимое субъективное (в отличие от многозначимого объективного).

Второе. Процесс глобализации многосложен и конкретизируется в целом ряде явлений. В конце второго тысячелетия мир в значительной степени меняет модель своего развития. Изменения многообразны и многоплановы,

они отражают новое состояние мировой экономики. Но в этом движении есть нечто общее и главное. Это главное – изменение места человека в современном мире, в экономической системе в особенности. Прогресс в новой экономике связан с осознанием роли человека в мире. Данное явление получило образное название «вызова времени», так как требует к себе особого внимания, преодоления старых традиций, изменения планов и действий людей, организаций, государств, теоретического осмысления. Динамизм общественного развития вообще и экономического в частности обусловлен, прежде всего, максимальным использованием творческого потенциала людей, их способностей совершать свою деятельность, создавать новое знание. И именно здесь мы более всего отстаем от наиболее развитых стран мира, а вовсе не в материальном производстве, в технологии и т.п.

Современная экономическая теория эволюционирует по линии перемещения центра тяжести исследования на личностные факторы, на новые формы сотрудничества людей, психологические составляющие мотивации их деятельности, использование и активизацию творческой компоненты. Научное осознание роли человека в глобальной экономике непосредственно вырастает из понимания предмета экономической теории, в центре внимания которой – принятие решений субъектами экономики, экономический выбор в условиях ограниченных ресурсов. Этот важнейший принцип классической экономической теории воспринят в качестве постулата практически всеми направлениями современной научной экономической мысли, включая даже те, которые полемизируют с неоклассической и пересматривают некоторые её положения.

Экономическое образование, построенное на базе изучения всех основных достижений экономической мысли и не отбрасывающее «чуждые нам» теории, способствует выработке мышления, необходимого для жителей новой глобальной экономики.

Таким образом, если глобализация – обусловленный объективными причинами процесс и качественный этап мирового развития, то в интересах любой страны по возможности раньше, полнее присоединиться к нему, войти в него, занять в нем значимое для себя место и использовать открываемые глобализацией возможности в целях собственного роста, развития. Такая заинтересованность стран в глобализации не только законна, она закономерна и, более того, необходима для естественного продвижения самой глобализации. Государства должны быть заинтересованы и в том, чтобы придать глобализации такое международно-политическое оформление, которое позволяло бы максимизировать позитивную отдачу глобализации в пользу стран-участниц подобного глобального миропорядка, одновременно сводя до возможного минимума её сопутствующие издержки.

Говоря об основных экономических тенденциях, нельзя не упомянуть усиление региональной интеграции. Действует 85 региональных торговых соглашений и договоров, реальные интеграционные процессы имеют место только в Западной Европе (создание ЕС) и Северной Америке.

В большинстве районов Латинской Америки, Южной Азии, Африки

отмечается только тяготение к усилению интеграционных процессов, поскольку ещё не в полной мере достигнут технико-экономический, культурный, правовой уровень, способный обеспечить полноценную интеграцию. Особенно выделяется Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

Особое внимание в большинстве стран уделяется развитию социальной сферы, о чем упоминалось ранее. Лидирующее положение в этой сфере занимают США. В «Послании к народу» в 1998 году президент Клинтон выделил ряд особенных мер по развитию медицины и образования. Всегда чуждые идеалам социализма, американцы пришли к глубокому пониманию того, что материальный уровень достаточен для глубоких социальных подвижек. Так как степень влияния США на процессы мирового развития достаточно велика, усиление социального фактора неизбежно распространяется в мире.

Таким образом, одной из важнейших особенностей конца XX века являлся кризис индустриальной модели развития и создание материальных, научно-технических, социальных предпосылок для перехода развитых стран на новую ступень развития – постиндустриальную. Важно отметить, что эти процессы развиваются эволюционно по мере накопления необходимых условий, но неравномерно и противоречиво. До сих пор постиндустриальное общество – некая модель, идея, но проявившиеся тенденции свидетельствуют о том, что оно неизбежно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Human Development Report 1998. Oxford University Press. 1998.
2. Мегатренды мирового развития. /отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев. Центр исследований постиндустриального общества. – М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2004г. – С.238.
3. Таран В. Перспективы мировой хозяйственной среды //Экономист. – 1997. – № 8. – С. 21-22.
4. Мовсесян А., Огневцев С. Некоторые тенденции мировой экономики //Экономист. – 2000. – № 7. – С. 85-86.
5. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2006. – С. 47.